

Механизм миметического желания

Научный руководитель – Дронов Алексей Владимирович

Лебедев Сергей Олегович

Студент (бакалавр)

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

E-mail: serglebedev3@yandex.ru

Понятие мимезиса берёт своё начало в Греции и дословно означает - подобие, воспроизведение, подражание. Сначала Демокрит, в дальнейшем Платон и Аристотель прибегают к этому термину, но в древнегреческой мысли мимезис практически не выходит за рамки эстетической категории. Жирар генерализирует мимезис, утверждая, что подражание является сутью желания. В эпоху, казалось бы, окончательного торжества лакановского автономного «желающего субъекта», он пишет о том, что человеческое желание возникает не само по себе, а как результат подражания желанию Другого[1]. Таким образом, желание формируется не как отношение между субъектом и объектом, а по принципу треугольника: субъект — образец — объект. Такое подражание неизбежно оборачивается «скандалом» — соперничеством за объект желания. Так, например, экспериментально доказано, что если группе из пятерых детей предложить пять абсолютно одинаковых игрушек - в подавляющем большинстве случаев возникнет конфликт при распределении[2]. Миметизм детского желания признан всеми. Взрослое же желание ничем от него не отличается — за тем лишь исключением, что взрослый человек, особенно в нашем культурном контексте, чаще всего стыдится строить себя по чужому образцу, он боится обнаружить нехватку самоидентичности. Он объявляет, что в высшей степени доволен самим собой; он ведет себя как образец для других. Все твердят: «Подражайте мне», чтобы скрыть собственную подражательность. Воспроизводя желание другого, человек сталкивается с противодействием миметического соперника, мешающего утолить это желание. Чем интенсивнее обоюдное сопротивление, тем острее желание, тем больше образец превращается в преграду, а преграда — в образец. В конечном счете, желание интересуется уже не объектом, а лишь тем, что ему противостоит; оно видит лишь преграды, воздвигнутые им же самим. В данном случае мы наблюдаем, как взаимное желание создаёт негативную круговую динамику, ведущую к эскалации насилия.

Насилие занимает в миметической теории важнейшее место, оно является неизменным следствием соперничества за объект желания. Если соперник недостижим, насилие перенаправляется на заместительные объекты. Оно охотно принимает любые виды замещения[3]. Почему же насилие не оборачивается всеобщим кровопролитием, войной всех против всех? В архаичных обществах этот кризис разрешался с помощью механизма жертвоприношения. Жертва поглощала коллективное насилие. Искусно сотканный жертвенный механизм сакрализирует жертву. Французский глагол *sacrifier*, равно как и английский *sacrifice* («приносить в жертву») буквально означает «делать священным», производить священное. Жертву приносит насилие; именно оно руками жреца убивает жертву, в то же время вознося её над всеми, делая её, в каком-то смысле бессмертной. Жертва приносится тогда, когда священное насилие берет на себя ответственность за жертву; смерть производит жизнь, равно как и жизнь производит смерть в непрерывном цикле вечного возвращения.

Иудаизм и христианство несколько видоизменяют модель жертвоприношения, противопоставляя ему самопожертвование - принесение в жертву самого себя, самый благородный из всех поступков. Конечно, было бы излишним обсуждать все то, что являет себя

в языке жертвоприношения. Жиран, однако, утверждает, что всякое жертвоприношение, даже - и особенно - если это принесение в жертву себя самого, не соответствует истинному духу евангельского текста[4]. Отнюдь не являясь чем-то исключительно христианским или вершиной альтруизма, самопожертвование в очень многих случаях может скрывать за «христианской» видимостью формы рабства, вызываемой миметическим желанием. В обществах, где непосредственное жертвоприношение табуировано, насилие направляется на так называемого козла отпущения. Другой обвиняется во всех бедах общества[5], обвинения обычно носят абсурдный характер. Привести массу примеров не составит труда: ведьмы, наводящие порчу, евреи, отравляющие воду в колодцах или же сексуальные меньшинства, угрожающие не то растлением малолетних, не то пресечением рода человеческого.

В поздних богословских трудах Жирана присутствуют и сильные эсхатологические мотивы: поскольку христианство фактически лишило человечество чудовищных, но действительных средств что-то сделать с насилием, оно (насилие) очень скоро захлестнет весь мир[6]. Наглядным подтверждением тому служит рост числа международных конфликтов и терроризма.

Концепция Жирана еще молода, традиция исследования его текстов еще не сформировалась: описания его теории пока что остаются прерогативой прежде всего его учеников и последователей. Вероятно, теперь, после его кончины, жираровская мысль будет привлекать всё больше внимания со стороны историков философии.

[1] *Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris: Grasset, 1961; английский перевод: *Deceit, Desire and the Novel: Self and Other in Literary Structure*. Trans. by Y. Freccero. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1965

[2] Репина Т.А. Социально-психологическая характеристика группы детского сада. - М.: Педагогика, 1988. - 110 с.

[3] *La violence et le sacré*. Paris: Grasset, 1972; английский перевод: *Violence and the Sacred*. Translated by P. Gregory. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1977; русский перевод: *Насилие и священное*. Перевод Г. М. Дашевского. Москва, Новое литературное обозрение, 2000, 2-е издание, исправленное: 2010

[4] *Des choses cachées depuis la fondation du monde*. Paris: Grasset, 1978; английский перевод: *Things Hidden since the Foundation of the World: Research undertaken in collaboration with J.-M. Oughourlian and G. Lefort*. Translated by S. Bann and M. Metteer. Stanford: Stanford University Press, 1987

[5] Лакан Ж. Семинары, Книга V: (1957/1958). Пер. с фр./Перевод А.Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2002.

[6] Я вижу Сатану, падающего как молния (перевод А.Лукьянов, О.Хмелевская. Москва, Издательство Библиейско-Богословского Института св.ап. Андрея,2015)

Источники и литература

- 1) *Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris: Grasset, 1961; английский перевод: *Deceit, Desire and the Novel: Self and Other in Literary Structure*. Trans. by Y. Freccero. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1965
- 2) Репина Т.А. Социально-психологическая характеристика группы детского сада. - М.: Педагогика, 1988. - 110 с.
- 3) *La violence et le sacré*. Paris: Grasset, 1972; английский перевод: *Violence and the Sacred*. Translated by P. Gregory. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1977;

русский перевод: *Насилие и священное*. Перевод Г. М. Дашевского. Москва, Новое литературное обозрение, 2000, 2-е издание, исправленное: 2010

- 4) *Des choses cachées depuis la fondation du monde*. Paris: Grasset, 1978; английский перевод: *Things Hidden since the Foundation of the World: Research undertaken in collaboration with J.-M. Oughourlian and G. Lefort*. Translated by S. Bann and M. Metteer. Stanford: Stanford University Press, 1987
- 5) Лакан Ж. Семинары, Книга V: (1957/1958). Пер. с фр./Перевод А.Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2002.
- 6) Я вижу Сатану, падающего как молния (перевод А.Лукьянов, О.Хмелевская. Москва, Издательство Библейско-Богословского Института св.ап. Андрея,2015)